

ГЛАВА 2. СОМНЕНИЯ

— Такая... — выдохнул Нарита Юзуру, когда его друг наконец показался из кабинета директора, где пробыл целый час. Едва дверь закрылась, Такая со всей силой ударил в стену ногой:

— Да пошли вы все!

Похоже, минувший час дался ему нелегко. Его взгляд, и так считавшийся нехорошим, пылал откровенной злобой.

А всё из-за этой проклятой аварии. Полиция таки позвонила в школу, тем самым выдав его с головой: ученикам школы Дзёхоку запрещалось приезжать на мотоцикле. Такае пришлось битый час выслушивать бесконечные нравоучения директора, его заместителя и завуча (классный руководитель тоже был, но в разговор не вступал — лишь поддакивал в сторонке).

Надо сказать, что среди учителей Такая пользовался дурной репутацией; они не любили его настолько же сильно, насколько он — их, и не без причины. Он никогда не молчал, если ему что-то не нравилось, мог нахамить ни с того ни с сего, поэтому его считали нахальным бунтарём и держали под пристальным наблюдением.

Ну и конечно, недавняя история с новым математиком подлила масла в огонь: из-за вызывающего поведения Такаи бедняга отказался выходить на работу. Учителя искали повод, чтобы свести с ним счёты, и повод представился.

— Всё припомнили, старые маразматика! Чего только я от них не наслушался! Прощают они меня, ха! Да кто их просил? Любое наказание лучше, чем необходимость смотреть на их довольные рожи!

— Тише, тебя услышат...

— Ну и пусть! — Встав рядом с Юзуру, Такая прислонился затылком к окну и со вздохом посмотрел в потолок. — «О чём только думают его родители? Неужели они совсем его не воспитывают?» В детском саду мы, что ли, я не понимаю? Мой характер — моя ответственность!

— Так и сказали?

— Угу... — Такая досадливо взъерошил чёлку. — Их всех как прорвало. В такой раж вошли, ты бы видел. Всю мою жизнь разобрали по косточкам, а в конце, прикинь, говорят: «Ну а что вы хотите от неполной семьи?..» Какое их собачье дело, полная у меня семья или нет?

— Такая, — произнёс Юзуру, с беспокойством глядя на друга. Тот не отрываясь смотрел в окно и выглядел до того мрачным, что Юзуру захотелось его подбодрить.

— На, держи, — непринуждённо сказал он, протягивая Такае спортивный костюм и кеды. — Про физкультуру не забыл? Сегодня у нас волейбол. Поторопись, а то не успеешь переодеться.

Такая посмотрел на спортивную форму, затем снова на Юзуру, в чьих глазах отражалось лишь безмятежное спокойствие. Выражение лица Такаи немного смягчилось.

— Спасибо, — поблагодарил он.

Плечо к плечу они зашагали по коридору.

— Кстати, я что хотел спросить... насчёт Чиаки Сюхэя...

Юзуру удивлённо вскинул голову:

— Чиаки? А что с ним?

«Вот же ж чёрт», — Такая едва не застонал.

— Ну, — протянул он, почесав затылок, — ты, случайно, не помнишь, какой у него порядковый номер в журнале?

— Номер? Хм, так сразу и не скажу, — задумался Юзуру. — Если у меня пятнадцатый... Томотоси, Тэдзука, Тани... нет, он ведь должен быть после «та». Четырнадцатый, тринадцатый... Похоже, двенадцатый.

«Странно... — усомнился Такая. — Танигути, Тэдзука...»

— Точно двенадцатый. А что ты вдруг спросил?

— Да так... — помотал головой Такая и снова задумался: «Ганака, Танигути, Тэдзука... За Танигути шёл Тэдзука... Не было там никого».

Странно, ох как странно...

— Ну же, Такая, шевелись. Всего две минуты осталось.

— А ты что, переодеваться не будешь?

— У меня на сегодня освобождение, — вяло улыбнулся Юзуру. — Я что-то в последнее время стал быстро уставать. Хотел отпроситься на пару дней, но в кружке сейчас столько работы... Пришлось ограничить физические нагрузки.

— Хм-м. — Такая присмотрелся к Юзуру повнимательнее. Выглядел тот и в самом деле неважно.

«Плохо себя чувствует?..»

— Только не говори, что в тебя опять кто-то вселился. Сперва Такэда Сингэн, теперь кто? Касуга-но Цубонэ¹?

— Не смейся.

— С тобой точно всё хорошо? — В случае с Юзуру ни в чём нельзя было быть уверенным.

— Да точно. Ничего такого на этот раз, простое недомогание.

— Тогда ладно.

Юзуру от души рассмеялся:

— Ты слишком много переживаешь в последнее время. Ну же, поторопись. Хигаси всегда рано приходит — опять запишет опоздание.

— Знаю, — кивнул Такая и пошёл по лестнице вниз.

* * *

В итоге на переключку Такая опять опоздал. Сегодня играли в волейбол. Поскольку уроки физкультуры у девочек и мальчиков проходили отдельно, их объединили с ребятами из 2-го «Г», а на команды они разбились ещё в классе.

В первой игре команда Такаи выступала в роли судьи. Предоставив это дело другим, он сел на лавку у стены и пробежался глазами по залу, выискивая своих одноклассников.

«Я помню всех: и имена, и лица...»

Среди ребят из 2-го «Г» незнакомых тоже не оказалось. Получалось, было лишь одно исключение...

«Чиаки Сюхэй...»

Тот принимал участие в игре наравне с другими, и все общались с ним как ни в чём не бывало, словно знали его сто лет. Неужели одному Такае казалось, что среди них затесался чужак?

«Может, у меня и вправду крыша едет?..»

Такая уже успел поспрашивать других, но его вопрос «Откуда взялся этот парень?» вызвал у всех лишь недоумение. Кто-то считал, что это новый прикол, кто-то — что он хочет насолить Чиаки после ссоры. Особо заботливые прикладывали руку ко лбу и советовали пойти домой полечиться. Но в конце все отвечали одно: «Ну ты даёшь. Разве он не с первого класса с нами учится?»

Только Такая никакого Чиаки Сюхэя не помнил и, как общался с ним весь прошедший год, не знал. Однако, судя по реакции окружающих, это была его и только его проблема. Причину, конечно, отыскать нетрудно — утренняя авария. Головой он вроде не бился, но кто его знает, что там произошло в момент столкновения. Допустим, у него действительно потеря памяти...

«Почему я забыл только его?.. Так вообще бывает?»

Из памяти исчезло всё, что было связано с Чиаки Сюхэем.

«Почему только его?»

Такая нахмурился. Разве это не странно?

— Здорово, Оги! Я слышал, ты память потерял?

От неожиданности Такая едва не рухнул на пол. Он поднял голову и увидел Ядзаки, одного из своих одноклассников.

— А больше ты ничего не слышал?

— Так все об этом говорят. Ты вроде утром в аварию попал? Это ж надо, удариться башкой

¹ Касуга-но Цубонэ (1579–1643) — кормилица будущего сёгуна Токугавы Иэмицу.

и память потерять — я думал, такое только в кино бывает. Ну ты и тормоз.

— Я ведь и двинуть могу.

— Да ладно тебе, — сказал Ядзаки, усаживаясь рядом. — Ну и как оно, без памяти?

— Ударься обо что-нибудь — и узнаешь.

— Шутки шутками, а Чиаки не позавидуешь. Чтобы тебя забыл близкий друг... Сурово, даже для прикола.

Такая опешил:

— Близкий друг? Кто? Чей?

— Ты! Его!

— Спятил?! Какие мы друзья?!

Ядзаки покотился со смеху:

— Во что вы, парни, играете? Вечно он тебя на что-нибудь подбивает.

— Говорю же: не знаю я его!

— Да понял я, понял, — помахал рукой Ядзаки. — Давай я тогда тебя просвещу, идёт?

Чиаки настоящий гений, чуть ли не самый умный в школе. Мы все на него дружно молимся — столько он нам помогает. Учителя от него без ума, девчонки пачками на шею вешаются. Чего он с тобой якшается, вообще не пойму.

— Ты меня слышишь или нет?!

— Бессердечная ты скотина, Оги! У тебя такой друг, а ты нос воротишь. Бедный Чиаки, мне его жаль.

— Ну, знаешь!..

Рассмеявшись, Ядзаки ударил Такаю по плечу:

— Кончал бы ты придуриваться. Не упорствуй слишком долго, а то списывать не у кого будет.

— Ядзаки!!!

Похоже, Ядзаки тоже считал, что Такая всех разыгрывает. Но что за чёрт... Этот Чиаки, оказывается, не просто одноклассник, но и друг.

«Голова идёт кругом...»

— Эй, Оги! — к Такае подошёл Танигути. — Чего расселся? Игра начинается! Если есть время глотку драть, помог бы судить. А это что за повязка? Я надеюсь, ты в команде? Давай, через «не могу». Сегодня мы просто обязаны порвать вторую группу.

— У меня травма.

— Ничего не знаю. Парни из второй уже выходят. Живо на площадку.

Такая посмотрел в другой конец зала, где уже толпились ребята из команды соперника, и его сердце подскочило: среди них был Чиаки.

— Ну, это судьба! — протянул Ядзаки. — Я бы на твоём месте поостерегся: он на многое способен, когда зол.

— Отвали...

Послышался свисток.

«Друзья, значит? — думал Такая, готовясь принимать подачу. — Забыть кого-то постороннего — ещё куда ни шло, но близкого друга...» Он разглядывал стоявшего по другую сторону сетки Чиаки. Неудивительно, что тот нравился девчонкам: внешность модельная и стиль под стать. Этому высокому, выше метра восьмидесяти, удивительно хорошо сложенному парню с не по возрасту спокойным, холодноватым взглядом не грозило затеряться в толпе: слишком сильное он производил впечатление.

«Как же я мог его забыть?..»

Чиаки неожиданно посмотрел в его сторону. Такая напрягся. Их взгляды встретились, и парень внезапно ухмыльнулся.

«Вот зараза!..»

— Оги!

Окрик вывел его из задумчивости, предупреждая о летящем навстречу мяче. Подачу он принял, но обработал неудачно, и мяч вернулся в руки соперника.

«Чёрт!»

Противник быстро разыграл переходящий мяч на своей половине, а затем высоким броском перевёл в левую зону, как раз на Чиаки.

— Собрались!

— Двойной блок!

Разбежавшись, Чиаки подпрыгнул. Его тело, на миг застывшее в воздухе, изогнулось тугой тетивой. Это был невероятный прыжок, мяч взлетел выше рук блокирующих, и Чиаки впечатал его в пол, прямо возле Такаи.

На площадке все замерли. Отскочив, мяч ударился в стену. В зале повисла гробовая тишина, а потом выступавший в роли судьи Юзуру вышел из оцепенения и дал свисток. Все разом заговорили, послышались восхищённые крики и возгласы одобрения. Обернувшись к сетке, Такакая посмотрел на Чиаки — тот встретил его взгляд с холодным равнодушием, а затем опять ухмыльнулся.

«Да кто он такой?!»

Удар у него и в самом деле был потрясающий — высокий, сильный, даже в волейбольной секции немногие могли таким похвастаться. Парень явно был не новичком.

Игра продолжилась. Мяч после подачи разыграли, но атака с треском провалилась, и соперник вновь задействовал Чиаки.

— Не подведи, Чиаки!

— Лады!

Такая впился в Чиаки взглядом, приготовившись отражать атаку слева. Парень замахнулся и ударил.

Удар пришёлся прямо Такае в плечо. Мяч отскочил, стукнулся о стойку защитной сетки и скатился на пол. Опешив, Такакая схватился за плечо, по которому уже разливалась ноющая боль.

Под одобрительные крики толпы Чиаки снова ухмыльнулся. Такакую осенило: «Да он это специально!» Парень, похоже, с самого начала целился в него.

«Вот гад! Чего он добивается?!»

Матч возобновили, игроки продолжали меняться местами, но ситуация только ухудшалась: при первой же возможности Чиаки метил в Такаую и даже не скрывал этого. Каждый удар достигал цели, словно в насмешку блокирующим. Он умудрился достать его даже у левого края сетки: после невероятной атаки вторым темпом мяч угодил Такае в лицо.

— Оги!

Такаую, который, скорчившись, держался за правый глаз, обступили товарищи по команде. «Эй, ты в порядке?» — «Ну, это уже перебор!..» — «Гляди, как Чиаки взбесился! И кто тебя просил его злить?.. Говорил же я тебе».

Здоровым глазом Такакая посмотрел на Чиаки, который продолжал спокойно улыбаться. Взбесился? Вовсе нет, он получал удовольствие — играл с Такае, как кошка с мышкой, и наслаждался каждым мгновением.

«Сволочь, — в Такае закипал гнев, — значит, так, да?..»

— Танигути.

— Что?

— В следующий раз как примешь, пасуй мне. Организуем атаку слева.

— Ладно, но... погоди, ты серьёзно?!

Взгляд Такаи светился откровенной злобой. Ни на кого, кроме Чиаки, он больше не смотрел.

— Не будь идиотом! Даже не думай с ним связываться.

— Не нуди! Двигай на позицию!

— Оги, остынь!

Но мольбы Танигути остались без ответа. Гнев застил Такае глаза — сейчас бы он никого не послушал.

Раздался свисток. На подаче соперника мяч, описав мягкую дугу, перелетел через сетку и пришёлся на руки Танигути.

— В яблочко! Танигути! — крикнул Такаая. Это прозвучало как приказ.

— Ну и чёрт с тобой! — Танигути сделал высокую передачу, и Чиаки на своей половине

тут же среагировал.

— Оги! Чиаки на блоке!

«Отлично!»

Оттолкнувшись с разбега, он вложил в удар все силы, но Чиаки с лёгкостью перехватил его, и мяч упал на их половине. «Отбил?!» — Такае не поверил своим глазам. Приземлившись, он тут же метнулся взглядом к сетке. Его обидчик принимал поздравления: «Дай пять!» — с расслабленной, непринуждённой улыбкой.

«Ублюдок!»

Такая готов был рвать и метать. Вокруг него образовалось пустое пространство: товарищи по команде предусмотрительно держались на расстоянии. Игра тем временем продолжалась. Чиаки вышел подавать, сместившись теперь на заднюю линию. Мяч полетел напрямик в Такае, но тот его уже ждал и аккуратно перевёл на свою половину площадки.

— Танигути!

— Да знаю я!

Высокий пас. Такае разбежался: «На этот раз точно...» Противник выставил двойной блок, но Такае уже было всё равно. Он прыгнул, насколько хватило сил, и, целясь в Чиаки, ударил по мячу.

— Получай!

У всех на площадке перехватило дух: принимать удар Чиаки и не подумал. Он со всего размаха отбил его ногой, и мяч, перелетев через сетку, упал на другой половине. Все стояли, разинув рты, пока он катился по полу.

— Ах ты... — взревел Такае. Терпеть он больше не мог.

Вокруг засуетились. «Дело дрянь!» — «Держите его!» — «Оги!» — «Оги-кун!» — «Да он просто выпендривается, не принимай близко к сердцу!» Но Такае не нужно было объяснять, что обозначала неизменная полуулыбка Чиаки. Тот откровенно насмехался над ним.

— Всё, доигрался! Убью эту скотину!

Такае сорвался с места, но Танигути и команда быстро навалились на него.

— Оги! Не дури!

— Нет, дайте я ему врежу!

— Спокойно, спокойно!

— Чиаки, гад! Тебе что от меня нужно, а?!

Понаблюдав минуту-другую за Такаей, который пытался вырваться из окружавшего его кольца рук, Чиаки с безучастным видом отвернулся.

— Сволочь!..

«Ишь распоясался. Угомонись».

Такая, вздрогнув, затих. Что это сейчас было? Голос?

— Иди, Оги, отдыхай. У тебя вообще травма сегодня. — Ребята из команды потащили его с площадки. — Давай посиди в сторонке.

Такая послушно последовал за ними, слишком поражённый случившимся, чтобы сопротивляться.

«Это Чиаки сказал?»

Голос прозвучал прямо в сердце — так ему показалось.

«Померещилось? Но я точно слышал...»

В зале раздался свисток.

* * *

— И когда только ты научишься держать себя в руках? — искренне недоумевал Юзуру, сидя на краю парапета. Они находились на крыше галереи третьего этажа, соединяющей школьные корпуса.

Шёл пятый урок, которым у Такае и Юзуру стояло рисование. Ученикам школы Дзёхоку предоставлялся выбор между музыкой, каллиграфией и изобразительным искусством. Ребята выбрали последнее и сегодня работали на пленэре.

— Я не виноват, — буркнул Такае, сжимая альбом в руках; вид у него был пристыжённый.

— Тут любой бы на моём месте сорвался.

— Тебя только с утра к директору вызывали. Не надо привлекать к себе внимание сейчас.

— Ладно, ладно, — не слишком убедительно ответил Такая, чиркая карандашом в альбоме.

— Просто этот парень действует мне на нервы. Чего он надо мной издевается?

— Ах да, я слышал, ты память потерял? Это правда, что ты забыл Чиаки?

— Да я сам уже не уверен. — Бросив карандаш, Такая прислонился к парапету. — То мне кажется, что он был, то кажется, что его не было. Человеческая память — штука ненадёжная.

— Ты так думаешь?

— Слушай, — Такая резко подался вперёд, — мы что, и вправду с ним друзья? Вот об этом я точно ничего не помню.

— Ещё какие.

— Больше, чем с тобой?

— Ну, этого я не знаю, — Юзуру быстрым движением руки переносил на бумагу деревья, растущие на школьном дворе, — мы с ним не настолько близки. А вот вы... два сапога — пара, что ли? Очень похожи.

«Похожи? Мы с Чиаки?»

— Один — примерный ученик и любимец учителей, второй — его полная противоположность. Только мне всегда казалось, что вы слеплены из одного теста. Почему из всех людей ты забыл именно его? Тебе и вправду лучше сходиться в больницу. С головой, знаешь, шутки плохи.

— Угу, — кивнул Такая, но как-то рассеянно. Он до сих пор не был уверен насчёт Чиаки, но Юзуру не стал бы врать.

«Может, действительно не заморачиваться?..»

Он посмотрел в безоблачное небо. Со стороны северного корпуса послышались приближающиеся голоса — это первогодки возвращались к себе в класс после закончившегося раньше времени урока биологии. Один из них заметил Юзуру и подбежал к ним.

— Нарита-сэмпай!

— Привет, Хатаяма.

— Рисуете? Искусство, значит, выбрали?

— Как видишь. А ты с биологии?

— Ага, мы слайды сегодня смотрели.

Похоже, этот Хатаяма и Юзуру ходили в один вокально-инструментальный кружок. Мальчик был невысокого роста, изящного, даже хрупкого, телосложения, с каштановыми волосами. Юзуру тоже нельзя было назвать черноволосым, но стоявший перед ними подросток был почти блондин.

Не обращая внимания на изучающий взгляд Такаи, Хатаяма продолжал болтать:

— Сегодня репетиций нет. А завтра днём придёте?

— Думаю, да. Я же должен тебе копии нот.

— Отлично, — рассмеялся Хатаяма. — Тогда до завтра.

Попрощавшись с Юзуру, мальчик быстро поклонился Такае, словно только сейчас его заметил, и побежал догонять своих друзей.

— Кто это?

— Хатаяма из первого класса, недавно к нам перевёлся. В кружке всего лишь вторую неделю, но ты бы слышал, как он играет. Правда, партии у нас разные...

— Хм-м.

— Он только наполовину японец. Мама у него, кажется, англичанка.

— Даже так?

То-то ему показалось, что черты лица у Хатаямы не совсем азиатские. Такая плохо разбирается в национальностях.

— По-английски, наверное, шпарит... Попроставать к нему, что ли, с вопросами?

— Да уж, у тебя такой англиш...

— Ну, извините.

— Ты бы хоть иногда открывал учебники.

Прозвенел звонок. В школе Дзёхоку в этот послеполуденный час всё, казалось, было мирно и спокойно.